

MusicalCriticism.com

Interview: Dmitri Hvorostovsky on *Il trovatore* at the Royal Opera House

'To finally have made the step towards the big dramatic Verdi roles has made me very happy.'

8 April 2009

Easter Monday marks a highpoint in The Royal Opera's calendar, as an exciting revival of Verdi's *Il trovatore* brings together two favourite singers making their house role debuts – Roberto Alagna as Manrico and Sondra Radvanovsky as Leonora – with a member of the original cast of the production, the great Russian baritone **Dmitri Hvorostovsky**.

Verdi has always been a mainstay of Hvorostovsky's career, and with the Royal Opera alone he's appeared in *La traviata*, *Un ballo in maschera*, *Don Carlo*, *Rigoletto* and *I masnadieri*, as well as *Il trovatore*. Elsewhere, he's expanded his repertoire to include *Simon Boccanegra*, while his signature role has always been the title part in Tchaikovsky's *Eugene Onegin*.

His appearances in song recitals, such as that with Evgeny Kissin last autumn at the Barbican, are equally as legendary as his operatic appearances, while he's also expanded his repertoire to include Neapolitan arias. Russian popular music is a new fascination for him, with a brand new album recently in the bag, and he's keen to venture into new territories such as film, as well as adding Rubinstein's *The Demon* and further Verdi roles in *Ernani*, *Macbeth* and *Otello* to his profile. I caught up with him in the final stages of rehearsals for *Trovatore* to ask him about all this and more.

Hvorostovsky's role in the opera, the Conte di Luna, is something of an evildoer, bringing about his brother's death. But does he have a sympathetic side? 'Of course: he's in love,' says Hvorostovsky. 'That says it all. I think the motivation of being in love can drive you to extremes. In this production he's a military man, and love turns him evil easily, because he's been dealing with arms and wars.'

The roles that the baritone tends to do nowadays are either fathers, such as *Rigoletto*, *Germont* and *Boccanegra*, or lovers, such as *Di Luna*, *Onegin* and *Renato*. Does he prefer one to the other? 'No,' he assures me. 'Each role is fulfilling. Sometimes my character reflects it all, and you can always mix them up. With *Rigoletto* you're dealing with a big touch of lyricism and the father's love and dedication, so that makes him into a good character. So the Conte di Luna becomes totally obsessed with his love for Leonora, and his revenge and constant rivalry with his brother, Manrico, is also part of the love triangle. I haven't done the most totally evil roles yet: *Iago* is yet to come into my repertoire.'

'Then there's Onegin, which has been a big part of my career: you can't really tell who the heck he is. Is he evil or good? Is a romantic lover? Who is he? Everything that's written on Pushkin's novel and Tchaikovsky's opera reflects him from every possible angle. So I try to make the role as multifaceted as possible: there's not a particular operatic stance you can stick with. So it's an amazing opportunity to be able to sing this character.'

'I did Robert Carsen's production at the Met, which wasn't very new, but it was a high-profile revival with myself as Onegin and Renee Fleming as Tatyana. It was broadcast in High Definition across the globe and put on DVD. It was a very interesting, plain production that didn't have any distractions or disturbances on the stage, so you can have everything concentrated on the heroes of the opera. The opportunity to do the role opposite Renee Fleming made it even more exciting for me. That was my last experience of doing Onegin, and each new production brings some new revelation.'

I mention how immediate and realistic the intensity of the final scene of this performance seems on Decca's DVD of the Met's broadcast. How important is it for Hvorostovsky to make the drama realistic when performing opera?

'Well, we're talking about the modern theatre, because opera is part of that for me, and we have the chance to bring it closer to the audience with a more modern language onstage. We can break it out and approach a more sophisticated audience. Everyone says that opera is dying out, the "museum genre", it has no future. But I think it's not true; I think opera's one of the leading genres, not least because it actually combines many genres within itself.'

'Modern opera singers don't even look like the singers of the recent past. I'm saying "we" because obviously I'm part of it, and I work very hard to bring opera closer to modern theatre. In every production, I try to do a lot of controversial things, and we move and try to interact and act in the same way as dramatic actors in the straight theatre. Plus, we have to take care of the singing, and no matter what kind of repertoire you sing, you have to bring the voice to the foreground, because that's what opera's all about.'

Has a new cast for the *Trovatore* made a difference to the way the opera is interpreted in the production?

'Absolutely. I'm lucky to be working with two other singers whom I admire very much. **Sondra Radvanovsky**, who's playing Leonora, has one of the rarest, most beautiful, unique voices I've heard; it reminds me of the singers of the past. It's so beautiful, and the vibrato she has is unique amongst American singers. The way she does it is so easy: Leonora is one of the most difficult lyric dramatic soprano roles, but she does it with such beauty, and with such an easy touch. I predict that it's going to be a huge success for her, as it was recently when we did ten performances of *Trovatore* at the Met together.'

'And of course, **Roberto Alagna** is one of the greatest tenors currently working in the world today. He's got a wonderful physical ability – he looks great – and he sings it with beauty and mastery. This is star casting.'

Why has he made Verdi the centre of his career? 'It's both vocal and empathetic. Since I started studying, Verdi's music has stayed in my head, and I always wanted to be a Verdi baritone. I always knew that it was my forte. Even in the early stage of my career, when I couldn't afford to sing a lot of the complete Verdi operas, I sang a lot of his arias in concerts. I've been waiting and waiting until my voice has got into the right shape for it, until it's got the capacity and volume, and also until I could attain the technical ability for it. To finally have made the step towards the big dramatic Verdi roles has made me very happy, very satisfied with what I can do onstage. And my stage repertoire has turned into one of my main profiles, compared with what I did fifteen years ago at the beginning of my career.'

'But still, it's not the only thing I do. I do a lot of concerts, and different repertoires and genres. Quite recently I've turned to pop music!'

I ask him to elaborate on this news. 'In November of this year, I'm going to do a concert of music by Igor Krutoi, a Russian composer who's written twenty-five original songs for me. It's going to be sung in Italian, French, Russian and English, and we're doing a tour of it. The first international appearance is at Radio City Music Hall in New York, and hopefully it will have many appearances in Europe and come to London.'

Of the big Verdi roles, *Macbeth* and *Iago* obviously stand out as challenges Hvorostovsky has yet to take on. Are they in the pipeline? 'I've just been talking to Elijah Moshinsky about it, in fact. I should have done *Macbeth* some time earlier. I did *I masnadieri* here at Covent Garden: it was written in the same year as *Macbeth*, and it reflects a bit of *Iago* and a bit of *Macbetto*. I still feel drawn away from jumping into this darkness and depression. I'm Russian, so nothing can surprise me about it!' he laughs. 'I've been waiting, but still, I think it's time for me to go to this role now. Certainly I'm going to do *Iago* very soon, and a third Verdian role: *Don Carlo* in *Ernani*. So these three are certainly going to happen in the near future.'

What about exploring new repertoire? 'There are no new directions in particular, but I'm looking at Tchaikovsky and Rubinstein. I have two concerts with Valery Gergiev in St Petersburg, and we're splitting it into two sections of operatic scenes: one with parts of Rubinstein's *The Demon* and one with *Simon Boccanegra*, which has been one of my favourite new roles recently. *The Demon* is something I'd like to do properly in the future. It's a very big role, a kind of Wagnerian influence in Russian music, so when people hear me sing the *Demon* arias, they think it's another step towards the Wagner roles for me, such as *Wolfram*. So maybe I'll think about those too!'

He confirms that he plans to return to Covent Garden in future seasons. 'I'm back for *Rigoletto* and *Traviata*, and I'm waiting for my chance to do *Simone Boccanegra* here. I know the beautiful Elijah Moshinsky production of the opera Covent Garden has had for many years, because I've done it in Houston and San Francisco, so I hope I'll be able to do a revival of it here too.'

Any new recordings? 'There's the pop music album, which has been recorded but the mixing hasn't been done yet. I've also done a video clip for one of the songs that I sing in French. It's going to be quite a breakout in terms of repertoire, and also in terms of reaching out to a new audience. I hope it's going to be as exciting for other people as it is to me.' Will he do any others? 'We'll see. I certainly have to do a musical, which would be another breakout. Of course, I could not to sing the same thing every night for a long period of time, because I would be deadly bored and I don't have the time to spare.'

'But to do it a couple of times and to make a film or video is part of my future plans. I'm really pushing the musical, and I've sort of become the uncle of the project. The composer is taking the existing material, and also writing some new music for it, too. So we have a very productive relationship with Mr Krukoi, who's one of the most recognised pop composers in Russia. He's a genius melodist, who produces tunes that stick in your ear instantly. So to mix up the songs and make something out of it would be one idea, but I'm sure he has enough talent to write another twenty-four new ones if he had to. It would also prolong the life of the beautiful songs he's composed if we put them in this kind of project. To use the music for a script, a story, would be great, and I would love to bring some of my opera singer colleagues to participate in it.'

I ask whether the baritone's Russian background is an important influence on his life today. 'Of course. Almost my entire concert repertoire has been devoted to singing Russian repertoire. I have some French and German and Italian stuff too, of course, but I remain a specialist of Rachmaninov and Tchaikovsky, and I'm working on a new programme now that combines bits of Liszt and Faure with Tchaikovsky and Taneyev. Mostly I remain the Russian recitalist.' But, I ask, is it close to his heart? 'Well, I normally don't do anything I don't like, so it is close to my heart, yes. You have to have a certain reason to perform a recital, so if you don't feel excited and in love with a programme, it's best not to do it.'

A couple of years ago, there was mention of Hvorostovsky making a movie version of *Boris Godunov*. 'Unfortunately, nothing's happened about that,' he says with evident regret. 'It's partly because of my availability, but now that there's such an economic crisis the project has frozen for a while. But it very much attracts me, the idea of doing Boris on film. We have to do it!'

But the idea of making films in general excites him. 'I recently spent two days and nights filming the music video I mentioned earlier. The first session was twenty-three hours long. That's the way they do it in Kiev, in the Ukraine, where we did it. But I had no complaints, actually. It was exciting to watch people working non-stop. They almost never took a break through the whole day; it was amazing. They're very professional people, and the results are phenomenal. The young film maker is only twenty-six years old, yet he's extremely experienced and well-known. He's full of great ideas.

'So for instance, one of the lyric songs I sang, was a typical French love song, full of 'toi et moi', stuff like that, but he turned it into the story of a girl, Rose, who kills the lovers who kiss her, and I become an executioner who falls in love with this girl, but luckily survive. It's weird, almost phantasmagorical, but it looks so beautiful, and it's very erotic. We had an extraordinary group of dancers, who were literally semi-naked during the two days and nights in this very cold studio outside of Kiev. I was also topless all the way through, and the girl who played the main role was also naked. We had a good time, but let's see how it's going to come out. People who hate pop music are probably going to turn their anger on me because they'll think I'm a traitor to them!' he laughs again.

Hvorostovsky has a young family, which is always a challenge for a major international singer with demands for his time on both sides of the Atlantic. 'But so far, we've coped,' he says. 'The love and understanding we have for each other saves us. My family very often travels with me. My son's turning six this summer, and his school is very understanding about letting him out to travel with me. London is right in the middle of the world, so I can always travel back and forwards, and I can always take my family with me on long-term engagements, so as long as we're happy and in love, it will be OK.'

Any ambitions? 'I don't want to become the president of any country or do politics. I just want to sing. I've been blessed with my profession: that's what I do best, and I'm totally obsessed with it. I have many other plans for my career – the filming, the new repertoires, the musical.'

Initially, Hvorostovsky wanted to be a doctor, rather than a singer. 'My mum was a doctor – she's retired now – and I loved watching what she did. But I didn't have any opportunity to do anything other than what I'm doing now, because I went to music school, and studying takes up so much of your time. I started when I was seven years old, so my whole life was taken up with studying piano and theory and singing. Besides, this was my main talent, so ultimately I didn't want to do anything else.'

His family was hugely musical, so perhaps it was inevitable that he would take this route. 'My parents are great amateur musicians. Nobody loves music more than people who do it just for fun, and my father is a phenomenal pianist. Because of his singing studies, I was able to become a singer very easily, since I listened to his singing from the moment I was born.'

Now a major player on the world stage, Hvorostovsky is particularly grateful for the opportunities he had in his early days. 'The competition system is very important, of course, and I was able to go through it with literally no stops. I won the first competition inside Russia, then moved on a level to Toulouse, then a year later I went to Cardiff. The Toulouse competition gave me a few contracts and prepared me for the next step; it was easier to win at Toulouse than it was at Cardiff. Cardiff was special: literally the next day, everything changed. My manager introduced himself, and proposed that we work together immediately after the first round. So the day after I won, I started to receive offers from all the major theatres, and went to do further auditions in London. That's the impact it had on me and my career.'

Was he ready for the pressure? 'I was about twenty-six years old, so I was probably a little immature, but some people start when they're nineteen and with a bit of help they can make big careers. I was ready. I learnt how to learn things, how to do important things, like new languages and roles, and this became part of my daily routine. I learnt never to be happy with myself, though that came from the Russian training of my parents! Even now, I have plenty of work in front of me. You have to keep growing and studying. To become better, you have to train every day, and your physical and vocal ability becomes part of your daily training.'

Finally, I ask the baritone about his legacy. 'I have my signature roles, for instance Onegin, which is one of the best in the world, and I don't think anyone can compete with it. But there are a lot of Verdian singers who can sing better than I do!' he laughs. 'So what I'm trying to achieve with my Verdi roles, and to become one of the greatest Verdi singers, requires a lot of work. But also, my variety of music and genres I do in my career. It gave me a huge advantage that I did so many concerts early on, when I couldn't do so much opera. I think this is what distinguishes me from my colleagues. And also, wait until I've done the movie: then I'll be finally remembered!'

By **Dominic McHugh**

Интервью: Дмитрий Хворостовский о «Трубадуре» в Королевском Оперном Театре

«Я очень рад, что наконец-то сделал шаг к большим драматическим партиям Верди.»

8 апреля 2009

Пасхальный понедельник стал кульминацией в календаре Королевской Оперы, поскольку в потрясающем возобновлении оперы Верди «Трубадур» участвуют два любимых певца, дебютирующие на этой сцене - Роберто Аланья в роли Манрико и Сондра Радвановски в роли Леоноры, - и один из участников первоначального состава постановки, великий русский баритон **Дмитрий Хворостовский**.

Верди всегда был основой карьеры Хворостовского, и только в Королевской опере он пел в «Травиате», «Бале-маскараде», «Доне Карло», «Риголетто» и «Разбойниках», а также в «Трубадуре». В других театрах он расширил свой репертуар, включив в него «Симона Бокканегру», а его коронной ролью всегда была заглавная партия в «Евгении Онегине» Чайковского.

О его сольных концертах, например, с Евгением Кисиным прошлой осенью в Барбикане, ходят легенды, как и о его оперных выступлениях, при этом он увеличил свой репертуар, включив в него неаполитанские арии. Его новое увлечение - русская популярная музыка, недавно вышел новый диск, и он стремится осваивать новые территории, такие как кино, а также добавить «Демона» Рубинштейна и новые партии Верди в постановках «Эрнани», «Макбет» и «Отелло». Я встретился с ним на заключительной стадии репетиций «Трубадура», чтобы расспросить обо всём этом и многом другом.

Роль Хворостовского в опере – Граф ди Луна - злодей, ставший причиной смерти своего брата. Достоин ли он сочувствия? «Конечно: он влюблен», - отвечает Хворостовский. «Этим всё сказано. Я думаю, что влюблённость может довести человека до крайности. В этой постановке он военный, и любовь легко оборачивается злом, потому что он имеет дело с оружием и войной».

В настоящее время баритоны исполняют либо роли отцов - Риголетто, Жермон, Бокканегра, либо роли любовников - Ди Луна, Онегин, Ренато.

Предпочитает ли он один из этих типов ролей? «Нет, - уверяет он меня, - в каждой роли я самореализуюсь. Иногда мой персонаж отражает всё, и их легко смешать. Риголетто наполнен лиризмом, отцовской любовью и самоотверженностью, и это делает его положительным персонажем. А Граф ди Луна полностью одержим своей любовью к Леоноре, и жажда мести и постоянное соперничество с братом, Манрико - часть любовного треугольника. Я ещё не играл отъявленных злодеев: Яго только предстоит войти в мой репертуар.»

«Есть ещё Онегин, который сыграл большую роль в моей карьере: на самом деле невозможно сказать, какой он, чёрт возьми. Злой он или добрый? Романтичный любовник? Кто он? Всё написанное о романе Пушкина и опере Чайковского, характеризует его со всех сторон. Поэтому я стараюсь сделать роль как можно более многогранной: не существует определённой оперной позиции, которой можно придерживаться. Так что это потрясающая возможность - исполнять эту роль.»

«Я участвовал в Метрополитен в постановке Роберта Карсена, которая была не очень новой, но это было громкое возрождение со мной в роли Онегина и Рене Флеминг в роли Татьяны. Постановка транслировалась по всему миру и был выпущен DVD. Это была очень интересная, лаконичная постановка, в которой не было никаких отвлекающих факторов, ничего лишнего сцене, можно было полностью сосредоточиться на героях оперы. Возможность спеть вместе с Рене Флеминг сделала эту роль для меня ещё более привлекательной. Пока это мой последний Онегин, и каждая новая постановка приносит какое-то новое открытие.»

Я напоминаю, насколько естественно и реалистично напряжение финальной сцены этого спектакля на DVD Деcca в трансляции из Метрополитен-опера. Насколько важно для Хворостовского при исполнении оперы сделать драму реалистичной?

«Ну, мы говорим о современном театре, и опера – его часть, с помощью более современного сценического языка можно сделать оперу более близкой зрителям. Можно раздвинуть рамки и обратиться к более искушённой аудитории. Все говорят, что опера вымирает, «музейный жанр», у него нет будущего. Но думаю, это неправда: опера - один из ведущих

жанров, не в последнюю очередь потому, что она на самом деле сочетает в себе множество жанров».

«Современные оперные певцы даже внешне не похожи на певцов недавнего прошлого. Говорю «мы», потому что сам являюсь частью этого процесса, и очень много работаю, чтобы приблизить оперу к современному театру. В каждой постановке я стараюсь делать много неоднозначных вещей, и мы двигаемся и пытаемся взаимодействовать и играть так же, как драматические актёры в обычном театре. Плюс, мы должны думать о пении, и неважно, какой репертуар вы поёте, голос должен быть на первом плане, потому что в этом и заключается суть оперы».

Повлиял ли новый состав участников «Трубадура» на интерпретацию оперы в этой постановке?

«Безусловно. Мне повезло работать с двумя певцами, которыми я бесконечно восхищаюсь. **Сондра Радвановски**, исполняющая роль Леоноры, обладает одним из самых редких, самых красивых, уникальных голосов, которые я слышал; он напоминает мне о певицах прошлого. Он так красив, а вибрато, которым она владеет, уникально среди американских певиц. Она делает это так легко: Леонора - одна из самых сложных лирико-драматических сопрановых партий, но она исполняет её с такой красотой и легкостью. Думаю, эта партия станет её огромным успехом, как это было недавно, когда мы вместе исполнили десять спектаклей «Трубадура» в Метрополитен».

«И, конечно, **Роберто Аланья** - один из величайших теноров в мире, работающих в настоящее время. У него замечательные физические данные – он великолепно выглядит – и поёт красиво и мастерски. Это звёздный состав».

Почему он сделал Верди центром своей карьеры? «Это и вокал, и переживание. С самого начала учёбы музыка Верди не выходила у меня из головы, я всегда хотел стать вердиевским баритоном. Я всегда знал, что это моя сильная сторона. Даже на раннем этапе моей карьеры, когда я не мог позволить себе подписывать контракты на исполнение опер Верди, я пел много его арий на концертах. И всё ждал и ждал, пока мой голос не обретёт нужную для этого форму, пока он наберет мощь и объём, а также пока я

смогу достичь необходимых для этого технических возможностей. Наконец, сделав шаг к большим драматическим партиям Верди, я очень доволен тем, что я могу делать на сцене. И мой сценический репертуар превратился в одну из моих основных характеристик в сравнении с тем, чем я занимался пятнадцать лет назад в начале своей карьеры».

«Но, тем не менее, это не единственное, чем я занимаюсь. Я даю много концертов, причём разного репертуара и жанров. Совсем недавно я обратился к поп-музыке!»

Я прошу его подробнее рассказать об этой новости. «В ноябре этого года я собираюсь выступить с концертом музыки Игоря Крутого, русского композитора, который написал для меня двадцать пять песен на итальянском, французском, русском и английском языках. Мы собираемся сделать тур с этой программой. Первое международное выступление состоится в Radio City Music Hall в Нью-Йорке, и, надеюсь, будет много выступлений в Европе и привезём её в Лондон.»

Из больших вердиевских ролей Макбет и Яго явно выделяются как вызовы, за которые Хворостовскому ещё предстоит взяться. Есть ли они в планах? «Я только что говорил об этом с Элайджей Мошински. Мне следовало бы заняться «Макбетом» несколько раньше. Я пел «Разбойников» здесь, в Ковент-Гардене: она была написана в том же году, что и «Макбет», и в ней есть немного и от Яго, и от Макбета. Я всё ещё не чувствую, что меня тянет погрузиться в этот мрак и депрессию. Но я русский, поэтому ничто не может меня удивить!» - смеётся он. «Я ждал, но всё же, думаю, мне пора приступить к этой роли сейчас. Конечно, очень скоро я собираюсь сыграть Яго и третью роль Верди: дона Карло в «Эрнани». Да, эти три роли, безусловно, появятся в ближайшем будущем.»

Как насчет изучения нового репертуара? «Каких-то особых новых направлений нет, но я рассматриваю Чайковского и Рубинштейна. В Санкт-Петербурге у меня будет два концерта с Валерием Гергиевым, мы разделим их на две части: одну с оперными сценами из «Демона» Рубинштейна, другую - из «Симона Бокканегры», который в последнее время стал одной из моих любимых новых ролей. Демон - это то, чем я хотел бы заниматься собственно в будущем. Это очень большая роль, своего рода вагнеровское

влияние в русской музыке, поэтому, когда люди слышат, как я пою арии из «Демона», они думают, что для меня это ещё один шаг к вагнеровским ролям, таким как Вольфрам. Так что, возможно, я подумаю и о них!»

Он подтверждает, что планирует вернуться в Ковент-Гарден в будущих сезонах. «Я вернусь с «Риголетто» и «Травиатой» и жду возможности спеть здесь Симона Бокканегру. Я знаю прекрасную постановку Элайджи Мошински, которую Ковент Гарден осуществляет уже много лет, поскольку я участвовал в ней в Хьюстоне и Сан Франциско, поэтому я надеюсь, что мне удастся возобновить её и здесь».

Есть какие-нибудь новые записи? «Уже записан альбом поп-музыки, но сведение ещё не завершено. Снят видеоклип на одну из песен этого диска на французском. С точки зрения репертуара и охвата новой аудитории это будет настоящий прорыв. Надеюсь, для других людей это будет так же интересно, как и для меня». Что ещё он планирует делать? «Посмотрим. Я определённо должен сняться в мюзикле, это было бы ещё одним прорывом. Конечно, невозможно петь одно и то же каждый вечер в течение длительного времени, потому что мне будет смертельно скучно, а у меня нет лишнего времени».

«Но сделать это несколько раз и снять фильм или видео - это часть моих будущих планов. Я действительно продвигаю идею мюзикла, стал как бы крёстным этого проекта. Композитор берёт уже существующий материал и пишет для него новую музыку. Так что у нас сложились очень продуктивные отношения с господином Крутым, одним из самых признанных российских поп-композиторов. Он гениальный мелодист, создающий мгновенно запоминающиеся мелодии. Так что смешать песни и сделать из них что-то - это одна идея, но я уверен, что у него достаточно таланта, чтобы написать, если потребуется, ещё двадцать четыре новых. Кроме того, это продлит жизнь прекрасным песням, которые он сочинил, если мы включим их в такой проект. Использовать музыку для сценария, истории было бы замечательно, и я бы с удовольствием привлёк к участию в нём некоторых моих коллег-оперных певцов».

Я спрашиваю, оказывает ли российское происхождение баритона существенное влияние на его сегодняшнюю жизнь. «Конечно. Почти весь

мой концертный репертуар посвящён исполнению русской музыки. Конечно, у меня есть французский, немецкий и итальянский материал, но я остаюсь специалистом по Рахманинову и Чайковскому, и сейчас я работаю над новой программой, в которой сочетаются фрагменты Листа и Форе с Чайковским и Танеевым. В основном я остаюсь русским солистом.» Но, спрашиваю я, насколько это близко вашему сердцу? «Ну, обычно я не делаю ничего, что мне не нравится, так что это близко моему сердцу, да. У певца должна быть определённая причина для выступления с сольным концертом, поэтому, если вы не чувствуете восторга и влюбленности в программу, лучше её не исполнять».

Пару лет назад упоминалось о том, что Хворостовский собирается снять экранизацию «Бориса Годунова». «К сожалению, из этого ничего не вышло», - с явным огорчением говорит он. «Отчасти это из-за моей занятости, но сейчас наступил экономический кризис, и проект на некоторое время заморожен. Но меня очень привлекает идея снять Бориса в фильме. Это нужно сделать!»

Но в целом его волнует идея снимать фильмы. «Недавно я провёл два дня и две ночи на съёмках музыкального клипа, о котором упоминал ранее. Первая сессия длилась двадцать три часа. Так делают в Киеве, на Украине, где мы снимали. Но я не жаловался. Было интересно наблюдать, как люди работают без остановки. Они почти не делали перерывов в течение всего дня; это было потрясающе. Работали очень профессионально, и результаты получились феноменальными. Молодому режиссеру всего двадцать шесть лет, но он уже очень опытен и известен. Он полон замечательных идей».

«Так, например, одна из лирических песен, которую я исполнял, была типичной французской песней о любви, полной «ты и я» и тому подобных вещей, но он превратил её в историю о девушке Розе, убивающей целующих её влюблённых, а я играю палача, который влюбляется в эту девушку, но, к счастью, выживает. Это странно, почти фантасмагорично, но выглядит так красиво и очень эротично. У нас была необыкновенная группа танцоров, которые были буквально полуобнажены в течение двух суток в этой очень холодной студии под Киевом. Я и девушка, сыгравшая главную роль, также были всё время полураздеты. Мы хорошо провели время, посмотрим, что из

этого выйдет. Люди, которые ненавидят поп-музыку, вероятно, обратят свой гнев на меня, решив, что я их предал!» - он снова смеется.

У Хворостовского молодая семья, что всегда является испытанием для всемирно известного певца, которому приходится проводить время по обе стороны Атлантики. «Но пока мы справляемся», - говорит он. «Любовь и понимание друг к другу спасают нас. Семья очень часто путешествует вместе со мной. Моему сыну этим летом исполняется шесть лет, и его школа с пониманием относится к тому, чтобы отпускать его в поездки со мной. Лондон находится в самом центре мира, поэтому я всегда могу ездить взад-вперёд, и всегда могу взять свою семью с собой в долгосрочные поездки, так что пока мы счастливы и любим друг друга, всё будет хорошо».

Какие-то амбиции? «Я не хочу становиться президентом какой-либо страны или заниматься политикой. Я просто хочу петь. Мне повезло с моей профессией: это то, что у меня получается лучше всего, и я полностью одержим этим. У меня много других планов относительно моей карьеры - съёмки в кино, новый репертуар, мюзикл».

Изначально Хворостовский хотел стать врачом, а не певцом. «Моя мама была врачом - сейчас она уже на пенсии - и мне нравилось что она делает. Но у меня не было никакой возможности заниматься чем-то другим, кроме того, чем я занимаюсь сейчас, потому что я ходил в музыкальную школу, а это отнимает очень много времени. Я начал заниматься в семь лет, так что вся моя жизнь была занята изучением фортепиано, теории музыки и пения. Кроме того, это был мой главный талант, поэтому, в конечном счёте, я не хотел заниматься ничем другим».

Его семья была чрезвычайно музыкальной, поэтому, возможно, выбор им этого пути был неизбежен. «Мои родители - замечательные музыканты-любители. Никто не любит музыку больше, чем люди, которые занимаются ею просто ради удовольствия, а мой отец - феноменальный пианист. Благодаря его занятиям пением мне было очень легко стать певцом, потому что я слушал его пение с самого рождения».

Сегодня, став крупным игроком на мировой арене, Хворостовский особенно благодарен за возможности, которые у него были в начале карьеры.

«Система конкурсов, конечно, очень важна, и я смог пройти её буквально без остановок. Выиграв первый конкурс в России, я перешёл на уровень выше - в Тулузе, а через год поехал в Кардифф. Кардифф был особенным: буквально на следующий день всё изменилось. Сразу после первого тура мне представился менеджер и предложил нам поработать вместе. Так что на следующий день после победы я начал получать предложения от всех крупных театров и отправился на дальнейшие прослушивания в Лондон. Вот какое влияние это событие оказало на меня и мою карьеру».

Был ли он готов к такому давлению? «Мне было около двадцати шести лет, так что я, возможно, был достаточно молод, но некоторые начинают в девятнадцать и, если им немного помочь, они могут сделать большую карьеру. Я был готов. Я учился тому, как учиться, как делать важные вещи, такие как освоение новых языков и ролей, и это стало частью моей ежедневной рутины. Я научился никогда не быть довольным собой, хотя это пришло из русского воспитания моих родителей! Даже сейчас у меня впереди много работы. Нужно продолжать расти и учиться. Чтобы стать лучше, нужно работать каждый день, тогда физические и вокальные способности становятся частью твоих ежедневных занятий».

В конце я спрашиваю баритона о его наследии. «У меня есть свои коронные роли, например, Онегин, один из лучших в мире, не думаю, что кто-то может с ним конкурировать. Но есть много вердиевских певцов, которые могут петь лучше меня!» - смеётся он. «Так что то, чего я пытаюсь достичь в моих вердиевских партиях и стать одним из величайших вердиевских певцов, требует большой работы. И ещё разнообразие музыки и жанров, которыми я занимаюсь в своей карьере. Огромным преимуществом для меня стало то, что я давал много концертов в самом начале, когда ещё не мог так много выступать в опере. Думаю, именно это отличает меня от моих коллег. И ещё, подождите, я снимусь в фильме: тогда меня наконец-то запомнят!»

Доминик Макхью

Перевод с английского Н.Тимофеева